

ОБ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ

В коллективной монографии «Российский Северный вектор» вышедшей под редакцией Н.Е. Покровского (2006), в рамках его концепции «клеточной глобализации села», дается широкий обзор экономического состояния, быт и жизнеописание нравов, экологические наблюдения и широкий спектр социологических данных Северо-востока Европейской России, на примере, хозяйственной деятельности Костромской области и ее маленькой, но типичной составляющей – села Медведево, являющего собой действительно медвежий угол этого, покрытого на 2/3 лесами старинного, исконно русского региона. Исторически, костромской край, хотя и дал целый ряд ярких имен России (включая род Романовых), был и остается глубокой российской провинцией. До октябрьской революции костромская губерния была известна как основной производитель льна, значительный вклад в экономику вносила и деревообрабатывающая промышленность. По реке Унже ходили десятки пароходов и барж, перевозящих как лес, так и население, часть которого, уходила на сезонные заработки в города. Местный, северный по отношению к Центральной России, климат и суглинистые почвы не позволяли интенсивное сельское хозяйство, заставляя мужское население искать дополнительный заработок в городах. Через костромскую губернию проходил и печально известный (Владимирский тракт, связующий Европейскую Россию с Уралом и Сибирью, по которому гнали этапами заключенных.

Октябрьская революция внесла мало позитива в развитии этого края. Закабаление крестьян в колхозы («вторичное крепостное право»), ликвидация частной собственности, в частности, в судоходстве и производстве пиломатериалов, значительно подорвало экономику края, лишив наиболее инициативную часть населения предпринимательской активности, а подчас (в годы коллективизации) и просто физического существования.

Программы индустриализации страны осуществлялись, в частности, через перераспределение ресурсов получаемых в сельском хозяйстве, в пользу промышленного строительства в крупных городах и создания новых экономических регионов на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке и развития экономик братских советских республик. Костромская область, как и вся сельская Россия исправно поставляла экономические

---

¹ Петренко Виктор Федорович, психолог, профессор МГУ и ГУ-ВШЭ, чл.-корр. РАН, участник проекта и экспедиций; Логвиненко Григорий Дмитриевич, кандидат богословия, приходской священник.

(сельскохозяйственные) и человеческие ресурсы, за счет стагнации и деградации собственного развития. Ситуацию усугубила и Отечественная (Вторая Мировая война), где военное положение требовало предельной трудовой мобилизации населения, без каких либо амортизационных вложений в экономику и послевоенная (хрущевская) сельскохозяйственная политика, ограничивавшая трудовую активность крестьян на собственном подворье и не позволявшая «подняться на ноги» обессиленному «продразверстками» послевоенному сельскому хозяйству. Времена «брежневского застоя», когда за счет продажи нефти страна смогла пустить значительные финансовые средства на возрождение и подъем Нечерноземья, эти финансовые, дотационные вливания оказались не слишком эффективными, как в силу внеэкономических рычагов управления сельским хозяйством, уравниловкой и ограничением хозяйственной инициативы колхозов в силу специфики идеологии и способа хозяйствования социалистической экономики, так и в силу истощенности самого человеческого ресурса. По всей костромской области, как памятники той эпохи, стоят остовы разоренных животноводческих колхозных ферм, производивших когда-то, худо- бедно экологически чистейшее, костромское масло и молоко. Местные жители, как правило пожилые, правило, с ностальгией вспоминают эти времена, дававшие пусть и убогую, но стабильную основу сельской жизни. Чувство сожаления по утраченному колхозному строю, у престарелых жительниц (мужское население села, как правило, не доживает до преклонного возраста, не в силу полового диморфизма, а скорее в результате непомерного потребления алкоголя и его суррогатов) связано, очевидно, с тем, что колхоз, как форма общины в условиях социализма, давал какую то социальную гарантию поддержки в старости (дровами, комбикормами) обеспечивал наличие медицинского пункта, почты, клуба и являл собой, тем самым, основу общественной жизни. Современное государство, увеличив пенсионные выплаты, не в состоянии вернуть смысл собственного существования населению, тогда как колхозная жизнь создавала, подчас иллюзорную, но поддерживаемую советской идеологией веру в значимость собственного труда. На заброшенных домах деревни Медведево, построенных, кстати, в послевоенное время, когда войны победители, полные веры в будущее, возвращались к мирной жизни с фронтов Второй Мировой войны, можно увидеть таблички «дом почетного колхозника», «дом ветерана войны». Но в силу причин внутренней политики государства по отношению к селу, общей тенденции урбанизации и оттока населения в города, и, наконец, усталости от многолетнего перенапряжения сил, вызванных коллективизацией, индустриализацией и войной, село так и не смогло возродиться, а естественная и далеко не естественная убыль населения, поставило село на грань вымирания. То есть, подчеркнем проблему «усталости» производственных сил, т.е.

самого местного населения, отсутствия мотивации к переменам убогой, лишенной перспектив жизни. Термин сопромата «усталость металла», вполне подходит для апатии и аномии социальной жизни. Налицо массовая, тяжелая психическая болезнь утраты мотивации к труду, отсутствие, задающих перспективу дальних мотивов, сведение жизни к одному дню. «Выпил, день прошел, ну и ладно». В психологической науке существует понятие «выученная беспомощность», когда в силу длительной болезни или гипиропеки матери, у ребенка редуцируется воля и самостоятельность. Государство долгое время, выступавшее в течение почти целого века не доброй матерью, а скорее злой мачехой, (когда любая предпринимательская активность и просто самостоятельность жестко преследовалась), сформировало у сельского населения установку «выученной беспомощности», неспособности к постановке, требующих собственной активности задач. Социально более активная часть населения в различные годы советской власти была раскулачена и репрессирована; погибла в Отечественную войну; сменила свое местожительство и социальный статус колхозника на статус городского рабочего или военнослужащего. Качество сельского жителя (соборность, образование, здоровье, желание иметь семью), массовая психология населения (включающая трудовую мораль) и даже генофонд оказались снижены. Колхозная уравниловка и поощряемая советской идеологией «общинная ментальность», когда человек чем-то отличающейся от общей серой массы, вызывает настороженность, в новых экономических условиях выливается в неприязнь большей части местного населения к более или менее успешным фермерам, трудовым мигрантам, иностранцам. Так, что помимо экономических проблем возрождения села существует и чисто социально-психологические проблемы возрождения менталитета сельского труженика, имеющего высокую трудовую мотивацию, терпимого к экономическим успехам других и толерантных к приезжим и людям другой национальности, появление которых на селе неизбежно, в силу де популяции местного населения. В рамках разделяемой нами концепции «клеточной глобализации» Н.Е. Покровского (2004) утверждается, что в современной России возникают формы смешанных сельско-городских сообществ, формирующие новый социальный уклад и дающие перспективу развития деревни. В концепции клеточной глобализации делается акцент на локальных, точечных сферах возрождения экономики в сельской местности, перенос предпринимательской городской активности на деревенскую, сельскую почву. Можно полагать, что и для возрождения крестьянской этики и трудовой мотивации возможен перенос « закваски» городской ментальности, внедрение ее в духовный мир сельского жителя. В полной скрытой иронии статье Н.Е.Покровского дается описание нравов уездного города Мантурово, воскресные дефиле местных невест. Разодетые по

моде, в сопровождении своих мамаш, юные дивы, шествуют по центральным аллеям местного базара, как шествуют по ковровой дорожке кинозвезды на фестивале в Сан-Ремо. Страстное желание быть ни хуже других, жить там как в Москве, Париже или Нью-Йорке) вот один из резервов формирования мотивации достижения. На наш взгляд для создания эмоционального климата, соответствующего современной цивилизации, «пробуждения населения от духовной спячки», способствующего экономическому прогрессу не в меньшей мере, чем создание элементов, клеточек экономической глобализации, важны клеточки культурной глобализации: социальные, культурные институты, задающие смыслы существования жителям. Это театры, клубы самодеятельного творчества, пединституты и институты культуры, выпускники и, главным образом, выпускницы которых, могли бы сеять разумное вечное, улучшая эмоциональный климат провинции. Другим каналом «клеточной глобализации» культуры выступает прогрессивное развитие средств массовой коммуникации и Интернета. Прогресс в области телекоммуникации и ее удешевление позволяют, в принципе, распространить местное телевидение на пригороды и сельскую местность, включив в орбиту интересов местных жителей местные социальные новости и культурные программы, созданные на местном материале.

Другим, более традиционным каналом, производства духовной жизни являются местные монастыри и церкви. В насыщенных монастырями Владимирской, Ярославской, Калужской области, (а в Костромской области, можно вспомнить, знаменитого Макарьевский монастыря) можно наблюдать, как вокруг монастырей возникает «клеточки» культурной глобализации, значительная часть местного населения и часть местной молодежи участвует в церковной жизни, добровольно работают трудниками в монастырях. Монастыри создают своеобразную монастырскую экономику, включающую помимо собственно натурального хозяйства, обслуживающего нужды самого монастыря, гостиничную экономику обслуживания паломников, кустарное производство религиозной продукции и сувениров. Но главное они дают местному населению смыслы существования, отторгают его от всеобщего пьянства, пропагандируют христианские ценности. Первое, что бросается в глаза в Угорах – это огромная полуразрушенная церковь, которая сейчас восстанавливается на деньги районной администрации и епархии. Строители – мигранты с юга. Почему не свои, ведь в селах безработица? Ответ представителя сельсовета был прост: «не хотят и не умеют». Образ развалившейся церкви может выступать как символ духовной деградации села. Возрождение конкретной церкви в Угорах может стать началом возрождения конкретного села в костромской области, а общая тенденция возрождения духовной жизни являться следствием и причиной возрождения Русского севера.

Развал и деградация, как говорил профессор Преображеский из известного романа «Сабачье сердце» М.Булгакова и не менее известной его экранизации режиссера Бортко, начинается с сознания людей. По видимому это относится и к социальному и духовному возрождению. Первое, как учит, нас Макс Вебер, напрямую связано со вторым, и тип религиозного менталитета (или отсутствие такового) влияет на социальные отношения людей и характер экономики. В этом плане, представляется интересным описать типы религиозного сознания (менталитета) местных жителей.

Обычно в сельской местности, по воскресным дням на литургию собирается человек по 150-200 при общей численности населения порядка 2- 3-х тысяч человек. Что составляет не более 5-7 % . Это люди, которых теперь принято называть более или менее «воцерковленными» - то есть, соблюдающими одну из основных библейских заповедей – «помни день субботный, во еже святити его», то есть шесть дней в неделю отдавай семье, жене, работе, детям, обществу, а седьмой день – посвяти Господу и Богу Твоему, то есть посвяти богослужению и религиозной деятельности. Это может быть церковная (соборная) служба или домашняя, уединенная молитва, или глубокие религиозные размышления. Не последнее в этот Божий день должны занимать и добрые (то есть бескорыстные, ради Христа совершаемые) дела.

Эти 5-7% регулярно присутствующих на воскресных и праздничных богослужениях дают в общей сложности около 10-15% от всего населения тех, кто с регулярностью 1-2 раза в месяц приходят в храм и принимают участие в церковных таинствах Покаяния (исповеди), Причащения и особенно «популярного» Елеосвящения (Соборования). Последнее таинство привлекает и менее воцерковленных людей, кто посещает богослужения от случая к случаю тем, что оно направлено на исцеление с помощью Божьей благодати от недугов душевных и телесных.

Если учесть еще, что крещение детей, исповедь и причащение на дому тяжело больных и отпевание умерших со всеми церковными почестями – это скорее правило, чем исключение, и прибавить к этому шумные всенародные посещения Пасхальных или Рождественских богослужений – то мы получим приблизительную среднестатистическую картину религиозной активности населения.

К этому нужно прибавить еще небольшое количество прихожан, которые вынуждены добираться из окрестных сел и деревень, где не сохранилось действующего храма. Как правило, эти люди отличаются повышенным «качеством» своей религиозной активности – то есть ревностью и благочестием. Весьма распространены случаи, когда село остается без религиозного окормления (управления, от слова «корма» - рулевая часть корабля) вследствие дефицита священнослужителей. Из этих сел наиболее активные –

несколько человек как правило приходят на молитву молиться в ближайшее село, где есть действующий храм.

Причем следует особо отметить, что установившийся, по-видимому, со времен жестоких гонений и преследований, религиозный «минимум» – окрестить младенца, причастить умирающего и совершить погребение умершего – даже в эпоху застоя и заката коммунистической идеологии соблюдался неукоснительно и почти поголовно. Всем хорошо известны случаи «тайных» крестин, совершаемых конфиденциально по просьбе партийных начальников.

В этой работе, обозначив наш контингент, сделаем попытку заглянуть за фасад, попытаемся приоткрыть завесу и охарактеризовать внутреннюю, содержательную, психологическую сторону этой религиозной активности российского сельского человека, не вдаваясь в тонкости богословских интерпретаций, которые были бы уместны на страницах ныне многочисленных церковных изданий.

Прежде всего, хотелось отметить некий возрастной водораздел, отделяющий уходящее поколение людей, получивших в детстве основы религиозного образования еще до катастрофы 1917 года, от следующего за ним поколения – воспитанного в комсомоле 30-х годов. Первые – это люди уже в глубокой старости, благообразные, испившие полную чашу горя и страданий – это люди глубочайшей внутренней духовной культуры и воспитания. Свои основательные познания о христианском учении, о заповедях Божьих, они почерпнули еще в церковно-приходских школах и семьях и пронесли их в своих сердцах через горнило тяжелейших испытаний XX века, выпавших на их долю. Исповеди этих людей поражают глубиной неподдельного смирения, красотой целомудрия и кротости, совершенством христианского терпения, прощения и любви по отношению к ближним. При этом самым поразительным, для стороннего наблюдателя, выступает чувство величайшего мужества, спокойной готовности с полной ответственностью за свою прожитую жизнь предстать перед непостижимым судом Божьим. Если дополнить психологический портрет отсутствием лицемерия и ханжеского показного благочестия – то получим характеристику совершенно особого психологического типа уходящей на наших глазах под воду Атлантиды – Святой Руси. Приведем один литературный пример, иллюстрирующий нарисованный портрет. Один из известных иерархов Церкви, описывая быт духовенства, вспоминет, свою бабушку смиренную молитвенницу, которая могла часами стоять в святом углу, совершая свои молитвы. В это же время шумная молодежь (среди которой семинаристы, будущие священники) в соседней комнате могли веселиться и развлекается безобидной игрой в дурачка. Все любили и почитали мудрую старушку, поэтому от избытка нежных чувств к ней они приглашают ее разделить с ними веселие. И

как вы думаете ответила им смиренная молитвенница? Она в полном соответствии с Божьей заповедью о любви к ближнему оставляет свое молитвенное уединение и, чтобы не обидеть детей своим отказом, садится с ними и играет партию! – конечно же не для собственного удовольствия, а для сохранения атмосферы любви и доверия (мы бы сказали – психологического равновесия) в семье. Затем тихо и незаметно возвращается к своему духовному занятию. Поразительная тонкость и деликатность!

Все это заканчивается, если не сказать просто обрывается на людях 1920 г.р. и выше. Это уже совершенно другое поколение – это уже комсомольцы и комсомолки 30-х годов. Это люди как - будто из совершенно другого теста. Агрессивное и дремучее невежество в вопросах религиозного образования, до предела болезненное самолюбие, практически неспособность к покаянию, то есть к плану внутренней работы, болезненная сентиментальность и саможаление в сочетании с лицемерным поверхностным напех усвоенным благочестием и комсомольским напором дают удручающую картину прихожанина эпохи развитого социализма и его заката.

Трудно судить о внутреннем мире этого уходящего типажа лесковских «антиков» и ему подобных святых исповедников Христовой веры. Им удавалось в плане внутренней работы осуществить неосуществимое – быть молитвенными, преданными Богу, искренними, бесстрашными, терпеливыми, иметь чуткую совесть и многие другие христианские добродетели, но что самое главное и удивительное – искренно считать себя грешникам. Как это возможно? Теоретически все понятно и об этом говорит вся аскетическая христианская литература - жития святых, патерики, - нужно правильно настроить свою внутреннюю оценочную шкалу, вырабатывающую самооценку человека. Сравнивать и оценивать себя не путем сопоставления с теми, кто на твой взгляд еще хуже тебя, находя при этом, что «я то еще ничего!...себе, другие еще хуже», формируя в своем внутреннем мире некий механизм «самоценна», и тем самым питая свою гордыню. Нет! Говорит св.Евангелие – откажись от «самоценна» в принципе. В психологии, психотерапии - безоценочность суждений, «эмпатия», «принятие», «диалог». Почему? А потому что процессуально ты не судья, никто тебя на эту должность не назначал, кроме тебя самого. Тем более не прокурор и даже не адвокат (как частенько бывает психотерапевт – «мы работаем на клиента»). Более того Настоящий Судья и тот не судит, но весь суд отдал Своему Сыну – воплощенному Слову, Иисусу Христу. Он и только Он может быть мерилем, шкалой, правилом, каноном для выработки «адекватной» самооценки для человека. Или если до Него не дотягиваешься – бери пониже – сравнивай себя со святыми, угодившими Богу своей праведной жизнью. Это теоретически . А как быть на практике, в жизни? Даже великие угодники Божие, прославленные святые

гнулись под бременем этой внутренней задачи – отказаться от «самооценки», но весь суд отдать Богу – в том числе и суд самого себя. «Мне отмщение и Аз воздам». Потому что осуждение самого себя ведет отнюдь не к покаянию, но к психологизации покаяния, к самокопанию, унынию, депрессии. К истинному покаянию ведет только истинное смирение себя перед Богом. Таким неподдельным смирением - внутренним устроением души неопикуемой красоты реально обладают люди, сами впрочем не умеющие объяснить – как это возможно, например, совершать чудеса и при этом почитать себя за ничто. Приведем пример истинно христианского смирения и извращенного ложного смирения, которое как известно паче (хуже) гордости. Мелания Петровна – просфорница храма святого апостола Иоанна Богослова.. Мелания умирала на операционном столе лет двадцать тому назад, пережила то, что называется клинической смертью, наступившей вследствие неизлечимой болезни. Чудесным образом была возвращена к жизни после горячей молитвы святому Апостолу. «Я явственно увидела святого апостола и воскликнула – Иван Богослов, если повелишь мне вернуться к жизни, я обещаю тебе всю оставшуюся жизнь послужить твоему святому храму». После своего чудесного возвращения к земной жизни Мелания неукоснительно исполняла обязанности просфорницы. А это для нее значило – вырастить на своем личном участке земли просо, собрать урожай, собственными руками связать веники, продать их на рынке и на вырученные деньги приобрести муку для выпекания просфор. А после всего этого пешим ходом на своих плечах доставить несколько сот штук просфор к началу богослужения в родной храм за 18 км, не взирая ни на какую погоду. За все время своей церковной работы она не посмела за свой труд взять ни одной копейки церковных денег, хотя бы на муку для просфор. Мелания никогда не вступала в колхоз, пережила несколько «раскулачиваний», отказалась в свое время от принятия советского паспорта и советской пенсии. Но что при этом удивительнее всего – она совершенно не походила по своему нраву на современных беспаспортников, истеричных «борцов» с ИНН и электронными чипами. При всей суровости своего мировоззрения – она никогда не считала свою позицию обязательной и никогда не обличала тех, кто не следовал в этом вопросе ее принципам жизни. Она относилась к своему подвигу как к личному и не любила по этому поводу разглагольствовать. Духом кротости и истинно христианского смирения были исполнены ее мужественное служение Богу, как она его понимала. Односельчане по Мелании сверяли церковный календарь. «А какой сегодня праздник, бабка Мелания, - спрашивали вечно «празднующие» на своих лавочках «советские» пенсионеры, лузгающие семечки перед коллективным просмотром входящих в моду сериалов». « День «святого Лодыря»,- иногда с юмором отвечала старушка, совершающая свое торжественное шествие к

Иоанну Богослову с увесистой котомкой за плечами. На преданности своему христианскому долгу таких как Мелания Петровна русских женщинах («белых платочках») держались сельские приходы в суровые годы безбожных гонений.

Рассмотрим теперь и другие характерные для села психологические типы религиозно-активных людей.

Православные «активисты», рьяные поборники «древнего» благочестия, «святых церковных канонов» и «благочестивых» преданий. Их можно назвать «православными фундаменталистами». Характерным для представителей этой группы верующих является то, что в аскетической литературе именуется «ревностью не по разуму», другими словами называется этот порок «глупостью с инициативой». Для этой группы характерно ханжество, утонченное фарисейство, болезненная мнительность, в сочетании с повышенной агрессией. Это те самые злующие старушки и старички, которые всем своим видом спешат показать всем окружающим свою «молитвенность» и «духовность», набрасываются на молодежь, впервые переступившую порог храма, с поучениями и наставлениями касательно платков, юбок, какой рукой можно или нельзя передавать свечку и т.д. и т.п. Это самая питательная среда для усвоения и распространения идей непримиримой борьбы с «ИННизацией», новыми паспортами, электронными чипами и прочей «антихристовой бесовщиной». Как правило это люди глубоко неустроенные и неблагополучные ни в семейной, ни в социальной ни в личной жизни. Зато большие специалисты по манипуляциям «благословениями старцев и духовников», за которыми стоит как правило синдром безответственности и неспособности самостоятельно принимать важные по жизни решения и нести ответственность за свои поступки. Ну и конечно жалобы, клеветы, сплетни, интриги – это их питательная стихия. Это люди, которые иногда при попустительстве со стороны священника активно проявляют себя в храме, выделяются вычурностью во внешних формах проявления своей «веры» и обычно бросаются в глаза впервые переступивших порог храма. Основная масса верующих обычно относится к ним с терпением и пониманием. Напротив редко посещающие мало церковные люди как правило претыкаются о них в своих суждениях и оценках церковного сообщества. Но эти люди при все своей активности не столь многочисленны и как правило не делают погоды в современном приходе.

Более многочисленную группу составляют те, кого на Божественной литургии именуют строителями и благоустроителями храмов и храмовых территорий. Это, как правило, работающие и преданные приходской жизни люди, ощутившие радость осмысленного труда в общине, труда во славу Божью и Церкви Христовой. Им практически некогда вникать в смысл и содержание совершаемых в храме молитвословий

и песнопений, да этого никто от них и не требует на первых порах.. Один известный современный подвижник в прошлом афонский монах, возродивший не один сельский разоренный храм и поднявший из руин Рыльский монастырь, говорил одному молодому начинающему священнику, благословляя его на пастырские труды: «Как только приедете с матушкой на приход, немедленно покупайте коровку или в крайнем случае козочку». Это был его метод возрождения духовной жизни в разоренном советском селе. «Наши люди за годы коммунизма как правило совершенно разучились молиться. А вот ищачить они не разучились». Приезжая в очередной раз на разоренный «нулевой» приход этот священник назначал на ближайшую субботу соборование. И собиралось к нему каждый раз несколько десятков, а то и сот человек. На собранные пожертвования старец благословлял немедленно покупать корову. Через две недели в приходе было уже две коровы, а через пару месяцев собиралось внушительное стадо. А ведь корову нужно подоить, напоить, накормить, встретить и проводить – это совершенно привычная для селян работа с той лишь разницей, что выполняется она не для себя лично, а во славу Божью и по благословию духовного старца. А через два года у батюшки уже и храм восстановлен и в храме народу полно и еще больше вокруг храма в «духовном колхозе» трудятся и кормятся и научаются помаленьку азам духовной жизни - молитве и покаянию.

Духовное ядро прихода – это обыкновенно несколько человек - настоящие подвижники, серьезные, глубокие молитвенно настроенные люди, которые сосредоточенно изучают Евангелие, и подвизаются, то есть стараются в меру своих сил и своего понимания исполнять то, к чему призывает Слово Божье. В последнее время для них открыто широкое поле деятельности – в воскресных школах, в церковных хорах, в миссионерских и паломнических поездках. Жаль только, что таких на приходе – единицы.

Религиозность основной массы селян весьма поверхностна. В Церковь их приводит сила привычки и традиции. Не нами придумано, не нам это и пересматривать. Каждый человек должен быть по обычаю предков крещен при рождении и погребен по православному обычаю. Больные и умирающие обязательно должны быть напутствуемы священником. Часто пассивная религиозность мирно уживается с самыми разнообразными народными верованиями и предрассудками. В такой среде находят свою почву верования в целительство и знахарство, которые мирно уживаются с народной верой в чудодейственную силу церковного обряда. Но если в советское время пассивное обрядоверие и порождаемые им суеверия, образующие питательную почву для народных целителей и знахарей, практикующих колдовские заговоры, привороты, «снятия» порчи, сглаза и прочие художества оставались в подполье, обличаемые Церковью и неодобряемые общественным сознанием, то в постперестроечное время религиозной

свободы и плюрализма такая маргинальная «религиозность» прочно обосновалась в полущерковной и полуобразованной среде, заняв свою нишу. В конце восьмидесятых мы были свидетелем триумфального шествия по Российской глубинке телевизионных сеансов Кашпировского и Чумака, словно открывших какой-то тайный шлюз. В это же время городская среда переживала неистовое нашествие западных религиозных сетевых «технологов» - от валеологов, мунитов, последователей Аум Сенрике, активно заполнявших образовавшийся в сознании постсоветского человека духовный вакуум.

Нужно добавить, что ортодоксия, твердое следование традиции, уважение к обрядам в период активной борьбы со всякой религиозностью вообще сыграло свою положительную роль, особенно явственно именно в сельской местности, где люди привыкли жить укладом. Как говорил в своих лекциях В.О.Ключевский – знаток народной психологии – обряд – это, конечно не огонь, - но это пепел, который помогает сохранить в сознании человека искры религиозного огня.

Теперь о внутренних чертах православной народной религиозности. Она собственно ничем не отличается от таковой религиозности городского более образованного сословия, разве что есть отличия в сторону евангельской простоты, о которой преп. Амвросий Оптинский говаривал так: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного». Вера в Бога принимается людьми сердцем и душой, а уже на втором месте влачится беспокойный разум, не искушенный мудреными научными или философскими мифологемами. Можно, пожалуй, выделить и описать более детально различные типы религиозного сознания в сельской глубинке, но наша беда заключается в фактическом разрыве традиции и отсутствии всякой религиозности вообще. Прекрасным тестом является культура исповеди. Она совершенно утрачена и священнику открывающему в глухом селе храм приходится начинать не с нуля, а с очень значительных отрицательных величин. В лучшем случае на исповеди его встретят люди, которые просто не понимают, как почему, зачем и что на исповеди надо говорить священнику. Несколько лет упорного труда в богослужении и проповеди уйдет на то, чтобы средняя масса прихожан от таких удобных и заученных формально(лукаво) «благочестивых» фраз о том, что «все мы грешны», «грешен батюшка» или «всем грешна» перейдут к исповеди как искроенной покаянной беседе с Богом, помогающей человеку навести порядок в своем «внутреннем духовном хозяйстве».

Возрождение духовной жизни не сводится к восстановлению церковных построек – храмов и монастырских стен. Бог, как известно, «обитает не в бревнах, а в ребрах».

Как показывает анализ религиозного сознания сельских прихожан их духовный уровень можно описать в виде пирамиды, устремленной в небо. На вершине пирамиды

стоят очень немногие подвижники, живущие по евангелическим заповедям, и чистым сердцем зрящие Бога, в середине пирамиды мы находим «многих званых», чувствующих присутствие высших сил, и духовно развивающихся. В основании же пирамиды мы обнаружим толпы полуязычником, соблюдающих ритуалы и таинства, как магические средства обретения здоровья и жизненных благ. При этом место в этой духовной пирамиде не зависит ни от уровня образованности, ни от о статуса человека по религиозной иерархии. И мирянин может быть духовно выше священника. Хотя, конечно, желательно чтобы «духовно талантливые люди» (выражение Ф. Василюка) были и духовно образованными. Восстановленные храмы и монастыри требуют огромной работы по наполнению их напряженным внутренним духовным содержанием, которое может стать основой социального, экономического и духовного возрождение села.

Литература.

Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре//под ред. Е.Н. Покровского. Сообщество профессиональных социологов. М., 2005.

Российский Северный вектор. Сб. под ред. Н. Е. Покровского. Общества профессиональных социологов. М. 2006.